

**Раздел 1. СУДЬБА НРАВСТВЕННОЙ ИДЕИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.
ПОЛИВАРИАНТНОСТЬ ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ**

**PROCURATORES PAUPERUM: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В РОССИИ**

Арпентьева М. Р.
г. Калуга, КГУ им. К.Э. Циолковского

**PROCURATORES PAUPERUM: HISTORY AND CONTEMPORANEITY OF
THE SOCIAL CARE IN RUSSIA**

Arpentieva M. R.
Kaluga, Tsiolkovskiy Kaluga state University

Аннотация. Каждый народ, каждое сообщество может быть оценено и понято по тому, как оно относится к тем, кто страдает и к тем, кто приносит страдания другим. Современная Россия относится к первым равнодушно и отчужденно, ко вторым – со смесью зависти и восхищения. Нравственные императивы отношений утеряны, в то время как в историческом прошлом в России представлен и реализован перспективный опыт попечительской работы, актуальность которого для современной практики несомненна.

Ключевые слова: право, нравственность, правоохранительная система, страдание, тюрьмы, попечение о горемычных.

Abstract. Every nation, every community can be appreciated and understood by how it relates to those who suffer and who brings suffering to others more than others. Modern Russia refers to the first indifferently and alienated, to the second - with a mixture of envy and admiration. Moral imperatives of relations are lost, while in the historical past of Russia is presented promising experience care work relevance for modern practice/

Keywords: law, morality, law enforcement system, suffering, prisons, care of the miserable.

Спешите делать добро!
«Святой доктор» Ф. П. Гааз

До чего ж круто и бесповоротно напугали наш

народ и отучили заботиться о тех, кто страдает
А. Солженицын

Блаженны рабы те, которых господин, придя,
найдет бодрствующими: истинно говорю вам,
он, препояшется и посадит их, и, подходя,
станет служить им.

Ев. от Луки 12:37.

Введение. Каждый народ, каждое сообщество может быть оценено и понято по тому, как оно относится к тем, кто страдает и кто приносит страдания другим. Современная Россия относится к первым равнодушно и отчужденно, ко вторым – со смесью зависти и восхищения. Нравственные императивы отношений утеряны, многие живут по принципу «все на продажу». Всепоглощающий страх веками поддерживает отношения рабства: временные «оттепели» сменяются еще большими «морозами». Отмена крепостного права – реформой тюрем и полиции, революция – «борьбой с врагами народа», застой времен Л. Брежнева – диким капитализмом конца XX века. Право все больше заменяет нравственность: так, как это случилось в США. Особенно явно это иллюстрирует отношение общества и государства к такой группе людей как заключенные. «Падение при котором общество еще участвовало в судьбах нуждающихся, благодаря тюремным реформам второй половины XIX века закончилось началом тотального разрушения способности и желания общества заботиться о ком-то кроме себя. Сталинские репрессии завершили этот цикл, превратив заботу и доброту в доноительство и «сознательность», а отказ от социалистической модели позволил легализовать отношения экономического рабства: имущее меньшинство в России свободно и без помех распоряжается жизнями неимущего большинства. Государство полностью сняло с себя заботу об охране здоровья, образования, труда и благополучия граждан, имитируя «реформы», каждая из которых все больше уничтожает и так минимальные права граждан, и, вместе с ними, по согласию данных граждан, и остатки нравственности, достоинства, сопричастности.

Право, нравственность и институт общественного попечительства. Одна из ведущих составляющих правоохранительной политики России – политика в области тюрем, наказания или исправления, подавления или реабилитации

заключенных. В решении этих проблем участвуют как государство, в виде структур правоохраны и правозащиты, так и общество в виде различных общественных наблюдательных комиссий (ОНК), попечительских сообществ, сообществ правозащитником и комитетов (обычно родственников осуждённых или бывших осужденных) и т.д. Институт *Procuratores Pauperum* (попечения о бедных, горемычных) был учрежден в христианской Византии уже в 4-ом веке, аналогичные институты существовали и существуют в других религиях и конфессиях.

Попечительство – постоянная забота о ком-либо или чём-либо. Забота определяется как комплекс действий по отношению к какому-либо объекту, нацеленных на его благополучие. Наиболее видное место понятие заботы занимает в концепции М. Хайдеггера: в заботе соединяются «три модуса существования, три измерения времени», он отмечает «онтическую укорененность» экзистенциала «забота». Забота (*Sorge*) – основа структуры человеческого бытия: «Одинок человек, и другого нет; ни сына, ни брата нет у него; а всем трудам его нет конца» (Еккл. 4:8). Забота неразрывно связана с конечностью бытия, времени (*Dasein*): временная структура заботы – это структура бытия-в-мире. Забота есть смысл бытия – «понимание» бытия как самопроектирование *Dasein*, его трансценденция как выход за пределы самого себя, как неравность самому себе, онтологическая несамодостаточность, «бытие-вперёд-себя», онтологическая безосновность. Спасения «по ту сторону» индивидуального существования нет. Аналогичные моменты отмечали и А. Мальро, А. Камю, Ж.-П. Сартр, Г. Бёлль [21, с. 59]. Влечение (*Hang*) и стремление (*Drang*) – не зависимые от инстинкта как части человеческого существа как социального и биологического феномена («политического животного») явления, а неподлинные, фрагментарные модификации «заботы» как целостного существования (в котором бытие и человек едины). Степень, которой может достичь человек в заботе о других людях – это степень свободной самости. Этот человек – находится на пути к сущностному отношению с миром. «Человек, – полагает М. Хайдеггер – скорее, самым бытием «брошен» в истину бытия, чтобы эк-зистирова таким образом, беречь истину бытия, чтобы в свете бытия сущее явилось как сущее, как оно есть. Явится оно и как явится, войдут ли в просвет бытия, будут ли присутствовать или отсутствовать Бог и боги, история и природа

и как именно присутствовать, решает не человек. Явление сущего покоится в историческом событии бытия. Для человека, однако, остается вопрос, сбудется ли он, осуществится ли его существо так, чтобы отвечать этому со-бытию; ибо соразмерно последнему он призван как эк-зистирующий хранить истину бытия. Человек пастырь бытия. Только к этому подбирается мысль в «Бытии и времени», когда эк-статическое существование осмысливается там как «забота» [24, с. 202]. «Движет человеком не житейская суета, боязнь упустить жизненные блага, а онтологический страх – озабоченность, боязнь не найти такого предназначения, ради которого человек добровольно готов пожертвовать своей жизнью и благами... Проявляя заботу о «другом», человек удерживает себя в стоянии в открытости бытия... В экстатическом действии индивид, как отмечал К. Ясперс, «трансцендирует от себя как эмпирической индивидуальности к себе как самобытной самости» [27. Т. I-III, с. 146]. Именно проявляя заботу о других людях, человек может стать таким, как он есть (в подлинном бытии), в отличие от того, что думают о нем другие и чем он кажется себе самому. В этом его экзистенция... Для каждого человека стоит вопрос – сбудется ли он, осуществится ли его существо так, чтобы отвечать со-бытию, ставящему перед ним дилемму: проявлять или не проявлять заботу о ближнем. ... человек есть в той мере, в какой он эк-зистирует.

Однако, сегодня как никогда, в неподлинном обществе и неподлинных отношениях людей, институт попечения и заботы переживает свой кризис, особенно явный в отношении к тем, кто оказался выброшен из общества: мигранты, заключенные, тяжелобольные и старики. Самыми обездоленными в России и были и есть – заключенные, помощь которым со стороны государства так тщательно имитируется, что почти не заметно, как идет их уничтожение и уничтожение их семей.

В современной России проблемы исправления заключенных – продолжают оставаться одними из наиболее сложных и дискуссионных: уже не первое столетие государство все более усиливает репрессивный произвол, периодически прибегая к имитациям реформ. Начиная с попыток изменить положение заключенных медиками начала XIX века и реформ К. К. Грота в середине этого же века и по настоящий день, все они «проваливаются» на этапе, когда нужно внести изменения в жизнь конкретных заключенных в конкретной

тюрьме/лагере/колонии/СИЗО: тюремный бизнес «на местах» категорически против каких-либо «гуманитарных инноваций», видит в них опасность потери значительной части власти, а, значит, и доходов от эксплуатации труда невольников. Изменение этой системы не представляется возможным при условии игнорирования общественностью или недопущения общественности в виде различных «попечительских сообществ» к помощи заключенным.

Идея попечения или патроната заключённых и иных страдающих в России не нова. В отношении заключённых она связана с усилиями зарубежных специалистов, иностранцев, например, В. Веннинга. Он представил императору записку о состоянии тюрем в России и необходимости учреждения попечительного общества, которому следовало, по мнению заботиться о лицах, выпущенных из мест заключения, оказывая различную помощь тем из них, которые проявили стремление к исправлению.

В. Веннинг поддержал и россиянин, благотворитель и филантроп Д. В. Голицын, известный своей деятельностью в области помощи нуждающимся, больным, заключенным. В начале XIX века при его участии было создано Общество попечительное о тюрьмах, его мужские и женские комитеты. Общество имело филантропические цели и было призвано ведать хозяйственной деятельностью тюрем, организацией нравственного воздействия на заключенных, оказывать содействие тюремной администрации т.д. Поскольку оно образовалось в эпоху тюремной филантропии, то преследовалась задача хотя бы минимально облегчить участь «тюремных сидельцев». Но многие комитеты и близкие им организации рассматривали свои обязанности более широко и помогали людям, освободившимся из тюрьмы, в том числе материально (одеждой, пищей, деньгами), а также социально, например, различными ходатайствами, посредническими услугами и т.д. строили «убежища для временного пристанища освобожденных», работе дома, помогали членам семей заключённых и т.д.

Развитие патроната осуществлялось в тесной связи с изменением отношения к преступнику, тюремному делу, с поисками средств борьбы с преступностью. Практика тюремного дела за долгие годы показала, что само по себе лишение свободы, как бы совершенно ни было его исполнение, не способно предупредить рецидивов. Нужно воспитание и образование, нужна забота о людях в тюрьмах и вне них. Вышедшие из тюрьмы и потерявшие связь с родственниками, отвыкшие

от жизни в условиях свободы обычно нуждаются в житейских советах, сочувствии и утешении, поэтому члены сообществ нередко выполняли роль посредников между освобожденным и его семьей, работодателями и т.д., оказывая нравственную поддержку в виде советов, указаний и рекомендаций.

В деятельности Попечительского общества отдельно сияет другое имя – имя «святого доктора» Ф. П. Гааза, российского А. Швейцера: «инородца», переехавшего жить в Россию и ставшего, благодаря своей неравнодушной, деятельной, самоотверженной жизни и служению людям и Богу более россиянином, чем те, кто родились в России и «не заметили» страданий ее народа. «Между преступлением, болезнью и несчастьем имеется такая тесная взаимосвязь, что иногда трудно, а иногда невозможно отделить одно от другого. Необходимо справедливое, не жестокое обращение с виновным, глубокое сочувствие к несчастным и тщательная забота о больном», – писал В. Ф. Гааз Д. В. Голицыну в начале этого века [4, с. 1]. Необходимо просвещение и нравственная, в том числе религиозная поддержка. Его сотрудничество, споры и дружба со свт. Филаретом (Дроздовым) сделали эту деятельность особенно продуктивной. В своей работе он продолжал традиции Дж. Говарда, исследователя тюрем в Европе и России, создателя пенитенциарной тюремной системы, просуществовавшей около двух веков, вплоть до наших дней. В этой системе не только предложено разделение тюрем на отделения мужские, женские и для малолетних преступников; но и введено требование обязательного кормления всех заключенных. Он также отмечал, что издевательства и пытки развращают заключённых, а не «перевоспитывают» их.

Ф. П. Гааз также впервые ввел понимание о правах заключенных, арестантов и т.д. Он писал о своей жизни и жизни вообще: «Счастье – не в желании быть счастливым, а в том, чтобы делать счастливыми других. Для этого нужно внимать нуждам людей, заботиться о них, не бояться труда, помогая советом и делом», писал он приемному сыну, Л. Норману [4, с. 1]. Им создан институт «справщиков», помогавших заключенным с документами, вместе с еще одним «иноземцем» и филантропом А. Мерилизом и свт. митрополитом Филаретом. Дроздовым создано книжное общество и разработаны методички (книжки) для духовной поддержки заключённых и членов их семьи, созданы больницы, гостиницы для семей заключённых, предложены и введены в действие

новые правила и условия конвоирования и т.д. Будучи вначале состоятельным человеком, к концу жизни он оставил себе лишь маленькую коллекцию шкатулок и телескопов: смотреть на звезды, отдыхая от того, что он видел в жизни. Он вел жизнь аскета, жизнь, строго упорядоченную и чрезвычайно насыщенную заботой о людях.

Однако, как только в конце XIX века данные комитеты были включены в бюрократический механизм государства, их продуктивность свелась к минимальной, к традиционным для государства фикциям. Однако общество продолжало стараться помогать людям и вплоть до революции пытались искать новые формы и пути помощи. Так, например, была создана колония для тех, кто вышел из тюрьмы, в которой люди проходили социальную реабилитацию, медицинское лечение, начальное и профессиональное обучение и воспитание, а также получали психологическую помощь и поддержку от основателей и иных бывших заключенных т.д.

В России канал общественного попечения («*procuratores pauperum*») был перекрыт во время тюремной реформы под руководством К. К. Грота: государство учло лишь пожелания комиссии К. К. Грота относительно централизации, и, частично, облегчило условия содержания заключенных, одновременно полностью лишив попечительские сообщества их власти и реального присутствия в жизни заключенных.

В современной российской тюрьме общественное попечение сведено к фикциям ОНК и полуфикциям присутствия священнослужителей христианской (преимущественно), мусульманской и иных «церквей»: 1) ОНК и правозащитные организации оказывают околоблаготворительную поддержку некоторым заключенным, на самом деле рекламируя себя и свои услуги; 2) священнослужители разных религий и церквей местами ведут активную работу с заключенными как в направлении «духовного окормления», так и недопущения в тюрьмы представителей иных религий и «сект», также занимаясь более-менее открытой саморекламой.

Идея исправления заключенных развилась из идеи заботы о спасении душ грешников. Первая мысль об учреждении пенитенциариев (домов покаяния) в том числе в форме одиночного заключения принадлежит Ж. Мабильону, монаху бенедиктинского ордена XVII века. Его идея была поддержана Папой Римским и

введена в ряде стран, в результате попечительство о заключенных и об их исправлении за рубежом возникло намного раньше, чем в России. С заключенными проводится работа сразу по прибытии их в тюрьму и долго по выходе из нее: разными специалистами-психологами, социологами, врачами, священнослужителями и т.д. В российских тюрьмах подобные службы практически отсутствуют и заботы о заключенных перекладываются только на священника, если тот готов взять их на себя, или остаются нереализованными, если не готов. Под исправлением подразумевается перерождение личности, преобразование «злой» воли в добрую, греховного человека в добродетельного, посредством осмысления и освоения принципов духовной, социальной и физической жизни, отраженной в святых писаниях и наставлениях. Члены попечительских организаций должны посещать тюрьмы и т.д., ходатайствовать об освобождении невинных и даже виновных, но исправившихся, помогать узникам выживать физически, психологически, духовно, принимая все возможные меры к их нравственно-религиозному исправлению» [23].

В России длительное время тюрем не существовало: большинство преступников, которых обычно размещали в специальные изолирующие помещения, оставались на «поруках» у общества и частных лиц. Тюрьма в России возникла только в середине XVI века, при этом характер содержания преступников был полностью лишен сострадания, но обычные люди охотно подавали заключенным («колодникам») милостыню, в надежде получить за это, отпущения части своих грехов» [17, с. 5]. В XVIII веке были учреждены исправительные «Смирительные дома» «для общего благочестия и спокойствия семей». Особое занимали монастырские тюрьмы, существовавшие при некоторых монастырях, например, Спасо-Евфимьевском и Соловецком, Ивановском, Новодевичьем и Вознесенском: заключение часто сопровождалось пострижением в монашество, а характеристикой понятия преступного деяния, являлось «забвение Божьей заповеди» и «царского приказа» [7, с. 266], душевные болезни [20, с. 35-36]. Со второй половины XIX века заключение в монастырь стало редким явлением: «заключение светских людей в монастыри (открытые эпитимии) не достигает цели и стеснительно для самих монастырей». Поэтому более оптимальным было признано прохождение эпитимии «негласно, под надзором

отца духовного, каковая мера более действенная, способная возбудить в кающемся сознание совершенного им греха» [17, с. 398].

В начале XIX века, как отмечалось, учреждено «Человеколюбивое» и ряд иных обществ, в том числе по инициативе В. Веннинга и А. Н. Голицына. Император Александр I предоставил членам общества право посещать заключенных, строить тюремные церкви, а также утвердил рамки работы с ними, ориентируясь на образцы, существующие за границей. Тюремные общества просуществовали до конца этого века, были преобразованы в тюремно-благотворительные комитеты, лишившиеся основной части своих полномочий (кроме социально-экономической поддержки заключенных). После революции влияние общественности на положение заключенных, и на тюрьмы вообще, было сведено к нулю, а церкви в тюрьмах закрыты. Более того, сами служители стали заключенными, а службы совершались тайно, под угрозой смерти или нового срока: в тюрьмы и лагеря духовенство могло попасть только в качестве заключенных. И лишь в конце прошлого века священники вновь были допущены в места заключения сначала для встреч с отдельными заключенными и для общих бесед и служения. Поэтому современный опыт пастырского окормления заключенных невелик, а царская тюрьма отлична от современной в корне: своей общественной и духовной обстановкой, положением священнослужителей и отношением к ним администрации и самих заключенных. «Раньше тюремные священники в своем служении могли опираться на арестантов и тюремных служек, которые в своем большинстве верили в Бога... Теперь этого нет...» [13, с. 50-60].

Последние годы – новый этап взаимоотношений органов, исполняющих наказания, с различными религиозными конфессиями, в том числе в контексте обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных [3]. Священники решают самые разные вопросы: пастырские обязанности и проблемы духовного служения в тюрьмах; организация общины и организация совместного проживания верующих; обучение и просвещение заключенных / верующих и катехизация сотрудников; вопросы трудовой реабилитации и помощи в профессиональном обучении и развитии; организация и развитие института тюремных священников; построение отношений с обществом и государством; разрешение вопросов с представителями иных религий; урегулирование

взаимоотношений между различными (по группам и «кастам») заключенными, помощь бывшим заключенным после освобождения; сотрудничество с заключенными и их родственниками, с администрацией колоний и МВД, с правозащитными и социальными структурами (для обеспечения помощи заключенным – как находящимся в заключении, так и отбывшим свой срок), включая психологов этих структур и т.д. «В условиях изоляции от общества происходит наиболее обостренное восприятие основных смыслообразующих вопросов: жизни и смерти, добра и зла, любви и ненависти, греха и раскаяния и т.д.» [8, с. 8-14]. Именно поэтому для осужденного выбор мировоззренческих основ и базисных религиозных представлений – жизненная необходимость. С началом посещения тюрем и иных пенитенциарных учреждений служителями разных религий и религиозных конфессий стало уменьшаться количество и изменяться качество преступлений и нарушений режима содержания осужденными, массовых беспорядков и групповых эксцессов [18]. Однако далеко не все ИТУ, иные тюрьмы и учреждения, их руководители осознают важность духовной поддержки осужденных служителями культа и, тем более, психологами, или даже волонтерами и членами малочисленных пока добровольческих сообществ помощи заключенным» [9, с. 30; 58]. «Священники приходят в эти учреждения ... помочь и блюстителям правопорядка врачевать душевные раны потерявших себя людей» [14]. Священник или психолог в тюрьме должен быть для заключенных «почти всем»: и целителем души, и целителем тела, и целителем духа. Поэтому неудивительно, что при наличии реальной работы с заключенными деятельность священников, приобщение к той или иной вере в целом способствует улучшению отношений между осужденными, укрепляя порядок, дисциплину и уважение, т.д. Когда и если заключенные отрешаются духовно, «возвращаются к себе» из наполненной страстями и грехами (ошибками) жизни, то они именно в религии часто находят утешение в скорбях и путь исправления ошибок и управления страстями. К сожалению, в работе служителей некоторых религий и деструктивных сект иногда возникают «серьезные конфликты на конфессиональной почве» [10, с. 51]. Очень важны программы психодиагностики, обследования и адаптации заключенных, включая программы предотвращения суицидных и общеразрушительных форм поведения (членовредительств, наркоманий и т.д.), защиты от риска насилия со стороны более крепких или

устойчиво-преступных заключенных или подследственных посредством «службы новоприбывших». Важно также отслеживание судьбы бывшего заключенного после истечения срока наказания, когда он находится «на попечении» местного самоуправления, благотворительных организаций и т.д. [9]. Г. Каледа писал: «Одни сидят, но множество людей болеет и страдает за них на воле... Разрушено, повреждено, травмировано множество жизней» [13, с. 30]. Разделение людей на «чистых и нечистых» изначально присуще человеческой природе [1, с. XXV]. Чувство «отторженности способствует объединению осужденных в свое собственное сообщество, наделяемое ими общеразделяемыми ценностями», а забота – включению и выживанию за счет реинтеграции в общество [6; 22, с. 79; 26]. Однако, история знает примеры того, как милосердно относились православные к узникам, «когда народ наш понятия о ссыльных и тюремных сидельцах безразлично смешал с понятием о людях несчастных, достойных сострадания» [15, с. 8-9]. Но милосердие к заключенным исчезло после революций начала XX века. Доброту заменила «сознательность» [22, с. 162]. Однако общество заинтересовано в помощи не меньше узников [1, с. 191, XXI]. «Эта система не исправляет, а ... воспроизводит криминогенную опасность в обществе» [1, с. 92, 97, 102]. Таким образом, вместо помощи, люди сразу же попадают в ситуацию иного и более масштабного, узаконенного преступления – против них [17, с. 396, 394].

«Еще одним серьезным вопросом является атмосфера конфронтации между администрацией и заключенными» отмечают «черты подозрительного сходства между охранниками и заключенными... По обе стороны расстился единый и бездушный мир» [11, с. 62-63]. По итогам XX века в России произошла потеря сотрудниками лагерей и тюрем веры в то, что они совершают нужное и полезное дело, наблюдается «все усугубляющийся процесс разложения ... авторитета» закона [1, с. 164]. Осужденным вера нужна, чтобы поддержать и укрепить в себе искаженное отношение к закону, преступлению, наказанию [19; 20]. «Нам и самое страшное, самое тяжкое бывает на пользу, главное – себя понять, увидеть, где была твоя собственная промашка...» [2, с. 163]. При этом «одни осужденные могут сравнительно легко исправиться, другие лишь после долгой и кропотливой работы, а третьи – вообще нет» [16, с. 31, 55-56]. «Покровительство есть последнее усилие милосердия, – для перевоспитания заключенных: оно действует

в тот период времени, когда надежды, составленные в заключении, могут осуществиться, или разрушиться» [17, с. 403]. Но никакое попечение не сможет изменить (жизнь) заключенного или бывшего заключенного, без его собственного искреннего желания и усердия [15, с. 36]. В поиске направлений решения этих задач нужен переход от стратегии «войны с преступностью» (war on crime) к стратегии «сокращения вреда» (harm reduction): изменение направленности уголовной политики от «войны» к «миру» [30, р. 218]. Нужно «уменьшить надежды на тюремное заключение и обратить больше внимания на общественное исправление (community correction)» [12; 28, р. 542; 29].

Фальсификации реформ и имитации заботы о страдающих могут отвратить и отвращают от этой полезной работы ее потенциальных исполнителей. Начинать преобразования каждый может и должен с себя: реальный вклад в дело помощи страдающим одного человека может побудить к тому многих других.

Список литературы

1. Абрамкин В. Ф. Поиски выхода. – М.: Права человека, 1996. – 196с.
2. Абрамкин В. Ф., Чижов Ю. В. В помощь узнику. Как выжить в советской тюрьме. – Красноярск: Агентство «Восток», 1992. – 192 с.
3. Арпентьева М. Р. Психологические аспекты правоохранительной деятельности: эссе по юридической психологии. – Калуга: КГУ, 2017. – 270 с.
4. Вознесенский С., Лебедева В. Доктор Ф. П. Гааз – символ российской тюремной медицины // Российский Тюремный Журнал. 2009. № 1. URL: <http://zagr.org/289.html> (дата обращения 10.09.2017)
5. Воронов Л. (протоиерей) Догматическое богословие. – СПб.: Изд-во «Свято-Троицкая Сергиева Лавра», 2007. – 380с.
6. Галкин М. Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. – СПб.: Тип. 2. Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1868. – 189 с.
7. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. – М.: Госюриздат, 1960. Т. 1. – 384 с.
8. Деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях / Сост. Г. П. Байдаков, В. В. Артамонов и др. – М.: НИИ МВД России, 1996. – 156 с.
9. Деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях: Пособие. – М.: ВНИИ МВД России, 1995. – 93 с.

10. Диякония и попечение в пенитенциарных учреждениях России. Материалы международного семинара. – М.: ЦСРУП, 1997. – 120 с.
11. Довлатов С. Зона. Записки надзирателя. – СПб.: Звезда, 2011. – 384 с.
12. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступления и наказания. – М.: Судебно-правовая реформа, 1998. – 354 с.
13. Каледа Г. (протоиерей) Остановитесь на путях ваших...: записки тюремного священника. М.: Зачатьевский монастырь, 1995. – 144 с.
14. Коломеец С. Утоли моя печали // Преступление и наказание. 1993 № 8. С. 45-50.
15. Максимов С. Сибирь и каторга. – СПб.: тип. А. Траншея, 1891. Ч. 3: Политические и государственные преступники. 1871. – 388 с.
16. Наказание и исправление преступников / Под ред. Ю. М. Антоныяна. М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 1992. – 392 с.
17. Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка. – СПб.: Тип. Г. Шпарварт, 1880. – 674 с.
18. Орехов В. Свет Храма приходит в “зону”. // Преступление и наказание. 1997. № 9. С 20-24.
19. Пеллико С. Мои темницы. Записки С. Пеллико. – СПб. Типография отдельного корпуса внутренней стражи, 1836. – 203с.
20. Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы. – М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1905. – 130 с.
21. Руткевич А. М. От Фрейда к Хайдеггеру. – М.: Политиздат, 1985. – 175 с.
22. Солженицын А. Малое собрание сочинений. Т. 5: Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. – М.: ИНКОМ-НВ, 1991. – 544с.
23. Фойницкий И. Я. Учение о наказании СПб.: Типолитография Х. Ш. Гельперн, 1886.
24. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452с.
25. Хохряков Г. Ф. Формирование правосознания у осужденных. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1985. – 84 с.
26. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. – СПб.: Типография А. Моригеровского, 1872. – 700 с.
27. Ясперс К. Философия. Т. I-III. – М.: «Канон+» РООИ – «Реабилитация», 2012. – 384 с.

28. Barkan S. Criminology. – Prentice Hall: Upper Saddle River, 1997. P. 542.
29. Consedine J. Restorative Justice. – New York: Ploughshares, 1995. – 176 p.
30. Donziger S. The Real War on Crime. – New York: Harper Collins, 1996. P. 218.

КОНЦЕПТ НРАВСТВЕННОЙ ИДЕИ ПОСЛЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Брандт Г. А.

г. Екатеринбург, Гуманитарный университет

THE CONCEPT OF MORAL IDEA AFTER THE ANTHROPOLOGICAL TURN

Brandt G. A.

Yekaterinburg, University for Humanities

Аннотация. В статье рассматриваются этические взгляды мыслителей новейшего времени после «антропологического поворота». Выявляются общие векторы «новой нравственности» и ее проблемные, с точки зрения дальнейшего развития общества, точки.

Ключевые слова: нравственная идея, антропологический поворот, Другой, эмерджентность, энергичность, нравственная чувствительность, этика долга и любви.

Abstract. The article reveals the ethical views of modern thinkers, after the so-called "anthropological turn". The author identifies the common vectors of the "new morality" and considers its problematic points.

Keywords: moral idea, the anthropological turn, the Other, emergence, energy, moral sensitivity, ethics of duty and love.

Антропологический поворот, который переживает философское знание, можно обозначить как поворот от универсалий к феноменам, от сущности к существованию, от норм к ситуации, в конечном итоге, от морали как свода определенных законов к нравственности – исследованию реальных «нравов», которыми люди руководствуются в своей реальной повседневной жизни [1, с.141]. То есть «нравственная идея» – концепт, выяснению которого посвящена конференция, это не новый императив, теория или система взглядов на